

ПРИЗРАК «О» БРОДИЛ ПО СЦЕНЕ

Бол. театр Москвы и Варшавы временно обменялись труппами

Любовь
АВДЕЕВА

У НАС «РОГЕР» до сих пор не ставился, хотя неоднократно исполнялся в Германии, Англии, Чехии, Голландии. Своим его считают в Италии – по сюжету действие разворачивается на Сицилии в XII веке. Король Рогер (вернее Рожер) – реальное историческое лицо. Но при этом сюжет оперы с реальностью не имеет ничего общего: в средневековой Италии в лице загадочного Пастуха-Бога оживает культ греческого Диониса. Его сладкие речи приводят в смятение верных христиан, подданных короля. Сама королева становится жрицей новой веры (зачем пастуху понадобилось уводить ее от мужа – не очень понятно, видимо, это не для того, чтобы обидеть, а с образцово-показательной целью). В результате в сознании Рогера происходит переворот, и он приносит свое сердце в жертву новому божеству – Солнцу. Таков сюжет. Столь же невразумителен и текст либретто, который Шимановский сознательно стремился «затемнить», сделав символическим и многозначным. Но многочисленные пассажи в стиле «ночных лотосов» и «вод Ганга», которые может быть и были экзотикой в 1920-е годы (когда писалась опера), сейчас звучат несколько двусмысленно. Что, кстати, еще более подчеркивается кришнаитским одеянием Пастуха – это некий халат, отороченный чем-то вроде индийских цветочных венков. В результате получается полная эклектика, дополняемая совершенной статичностью действия. Остается только сожалеть, что свой прекрасный музыкальный дар композитор принес в «жертву» псевдовосточным красотам. Впрочем, этот «психоделический дурман» может кому-то и понравил-

ся... Тем более что варшавский хор и оркестр под управлением Яцека Каспики звучали великолепно, а дополнили картину прекрасные голоса Зофьи Киянович (Роксана) и Войцеха Дравовича (Король Рогер).

Но успех постановке принесла все-таки именно режиссура Мариуша Трелиньского, который сумел недостатки произведения превратить в достоинства. Мутная и растянутая до бесконечности история превратилась в захватывающее действо, от которого просто невозможно оторвать глаз.

В то время как на прошлой неделе Большой театр представлял в Варшаве «Хованщину» Мусоргского и «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева, Польская Национальная Опера привезла в Москву три новых постановки. Надо сказать, спектакли подобраны очень грамотно. Для начала был дан «Король Рогер» композитора-авангардиста Шимановского, затем «Страшный двор» Монюшко (польская классика, сравнимая с «Жизнью

за царя» Глинки), и под конец оставлен наш хитовый «Евгений Онегин» в новейшем сценическом прочтении. Сам факт приезда самого авангардного оперного театра Европы, ожидание большого музыкального события, предвкушение чего-то неожиданного – все создавало заметный ажиотаж накануне спектаклей. И первая же опера – «Король Рогер» в постановке Мариуша Трелиньского – вызвала у московской публики шок.

рос: а зачем? Трелиньский объясняет это тем, что «Онегину» требуется какой-то объединяющий фактор. Ведь сам Чайковский определил свою оперу как «лирические сцены», фрагменты общего целого. Как же их объединить? «Каким образом выстроить из них цепочку, которая имела бы черты драмы, – задается вопросом режиссер. – Для всех этих загадок я нашел решение в виде молчаливого персонажа, существование которого мною сознательно определено не до конца. Это некто вроде повествователя, поэта, а может, просто постаревшего Онегина, человека, который знает эту историю и рассказывает ее еще раз, подобно Сизифу, вновь и вновь повторяя историю своего поражения». Интересно, что остальные герои оперы не видят О***, хотя зачастую «угадывают» его присутствие как какого-то злого гения.

Скажете, это уж чересчур режиссер намудрил? Да в том-то и дело, что загадочный О*** совершенно органично вписывается в постановку, не ломая общего впечатления, а скорее дополняя его.

Реквизит, как и в «Рогере», минимальный. В первых сценах – это стилизованные березки и цветочные клумбы. На балах – люстры и мозаичный пол. Зато костюмы в массовых сценах отличаются изысканной экстравагантностью, а петербургский бал открывается самым настоящим показом мод: под музыку полонеза прямо из-под колосников по подвесной лестнице спускается вереница модельерш, и далее по авансцене и через весь зал шествует к выходу. Все это поначалу несколько шокирует, но оказывается вполне в общем стиле. И что самое интересное, никак не противоречит духу оперы. Да и сами ис-

Сцена из оперы «Король Рогер».

Реквизита почти нет, минимум декораций, движущиеся потоки света в сочетании с музыкой и балетной пластикой – совершенно незабываемое впечатление.

«СТРАШНЫЙ ДВОР» родоначальника польской оперы Станислава Монюшко – полная противоположность распылчато-мистическому «Королю Рогеру». Живые, яркие герои, определенность сюжета, динамика действия, красивые, запоминающиеся мелодии. Постановка в целом довольно традиционна (режиссер Миколай Грабовский). Сценографы Зофья де Инес

и Славомир Левчук одели персонажей в богатые польские костюмы – парчи и бархата явно не пожалели.

Масса всяческих танцев – мазурок, краковяков (в том числе, в балетном исполнении), яркость костюмов, идеальные ансамбли солистов в веселом и непосредственном, а порой и комичном представлении – все создавало ощущение праздника. Со стороны режиссера забавным штрихом стала иллюстрация к рассказу Мечника (хозяина страшного двора) о том как его прадед выдавал замуж своих девятирех дочерей: каждая пара

(дочь и соответственно ее муж) символизировала эпоху, начиная со Средневековья и заканчивая современностью.

И, НАКОНЕЦ, ПОСЛЕДНИМ СПЕКТАКЛЕМ, поставленным Польской Оперой у нас в Большом, стал «Евгений Онегин» Чайковского. Южнее, «Евгений Онегин» а-ля Трелиньский, совершенно сразивший московскую публику. Режиссура Трелиньского здесь, как пишут критики, и впрямь не знает удержу. Больше всего толков вызвала фигура некоего О*** – нового введенного в оперу героя. Возникает вполне резонный воп-

полнители не просто поют и двигаются по сцене, как это зачастую бывает в наших постановках, а играют живых людей совершенно искренне.

В целом гастроли Варшавского театра были восприняты с большим энтузиазмом, несмотря на практически полное отсутствие рекламы. Польские спектакли стали не просто крупным событием, но всколыхнули всю театральную жизнь Москвы. Видимо, поляки решили показать нам как следует ставить классиков. И, похоже, споры по поводу этих постановок утихнут еще не скоро. ■